

Арогаста

ГЕРА

УДК 82-3
ББК 84
А84

А84   **Арогаста**
Гера / Арогаста – М.: Литнет, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-524-00507-6

Независимая Жермена с детства вызывала недовольство своего отца.

Родилась девочкой? Это она назло, нарочно!

Для знатной девицы главное – научиться вести дом? А вот и нет! Жермену больше увлекают древние фолианты и таинственные леса.

Нельзя спорить с мужчинами? Как бы не так!

Безопасно и выгодно быть всегда на стороне сильного? И это тоже не про нашу героиню!

Обручение с прекрасным рыцарем открывает для Жермены волнующий, новый для нее мир любви. Казалось, их ждет безоблачное счастье. Но Жермена обо всем имеет собственное суждение, а ее жених никак не забудет бывшую возлюбленную, ангельски кроткую и робкую девушку. И еще рядом есть люди, которые способны по своей прихоти сломать чужую судьбу. Злая интрига приводит к смертельной вражде, в которой ставкой становится жизнь!

История о любви, предательстве, сражениях, тайных интригах и борьбе за власть разворачивается в империи Каролингов в конце IX века.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00507-6

© Литнет, 2026
© Арогаста, 2026

Пролог и визуалы героев

*Есть существа, которые глядят
На солнце прямо, глаз не закрывая,
Другие, только к ночи оживая,
От света дня оберегают взгляд.
И есть еще такие, что летят
В огонь, от блеска обезумевая.
Несчастных страсть погубит роковая!
Себя недаром ставлю с ними в ряд.
(Ф.Петрарка, Сонет 19)*

885 год, Западно-Франкское королевство, Анжу

Октябрь выдался холодным, но почти без дождей.

По этой причине дороги еще держались, и конных и пеших путников на них было много.

Но это днем, а после захода солнца становилось почти пустынно. Дорога большей частью пролегла лесом.

В просветах между деревьями сквозили красные лучи заходящего солнца. В вершинах сосен, каркая и хлопая крыльями, перелетали вороны. Других птиц было уже не слышать.

Еще немного, и догорели последние отблески заката. Спустилась ночь. Ветер умолк, не стало слышно шума в верхушках деревьев.

То и дело раздавался рык туров и зубров, хрипло взлаивали рыси, а в чаще орешника сверкали глаза волков. Хищники выходили на самый край леса, и над полями летел их заунывный вой. В это время года волки еще не сбиваются в стаи и не опасны для людей. Но война всегда дает вдоволь пищи серым разбойникам, что неотступно следуют за войсками, пируют на местах сражений вместе с одичавшими псами да хищными птицами. От сытой жизни волки в последнее время очень расплодились и вели себя

нагло. Не спешили, как прежде, отбежать с пути подальше, лишь останавливались немного поодаль, будто говоря: «Скоро узнаете, кто здесь хозяева!»

Вот и сегодня молодой рыцарь, путешествовавший с двумя ратниками, заметил в сгустившихся сумерках нечто похожее на сверкание двух раскаленных угольков. И конечно, это были глаза волка!

Троим вооруженным всадникам одного зверя можно не опасаться. Однако этот волк, самый настоящий исполин среди хищных собратьев, не спешил скрыться в чаще. Наоборот, он будто нарочно привлекал к себе взгляды. Взбежал на пригорок, остановился среди жухлой травы и смотрел на людей застывшим горящим взглядом, словно ждал чего-то. Или бросал вызов.

Лунный свет ярким сверкающим контуром обрисовывал силуэт зверя, его хищную морду и чутко поднятые острые уши.

Потом он поднял голову и завыл. И таким жутким был этот вой, что путники, все храбрые и опытные воины, ощутили, как леденет кровь в жилах.

— С нами крестная сила! — прошептал тот, что был старше. Рыцарь потянул стрелу из колчана.

Волк соскочил с холма и бесшумно растворился среди тонущих во мраке деревьев.

— Жаль! Из его шкуры могло получиться хорошее одеяло!

Рыцарь старался говорить весело, однако и ему было слегка не по себе. Кони нервно прядали ушами.

Где-то в дальних чащобах отозвались на вой другие волки, да еще как назло, Луна исчезла среди туч.

— Не надо смеяться, мессир! — сказал пожилой воин. — Трактир уж близко, и лучше бы нам оказаться там, у очага, чем задерживаться в лесу!

Они двинулись по лесной дороге дальше.

Пожилой напряженно вглядывался в темноту, а второй ратник,

помоложе, храбро спросил:

— Правда, что волка сам сатана создал?

— Старики говорят, — ответил рыцарь, — что так и было. Вроде бы позавидовал сатана Богу, узнав, что тот создал людей. Решил он в своей гордыне стать равным Всевышнему и сделать то же самое. Но вместо человека у него получился волк! Да только все это сказки.

— А у нас в деревне рассказывали, — вспомнил юноша, — как на одного знатного рыцаря во время охоты накинулся волк огромный, таких никто и не видывал! Рыцарь ему лапу отсек, домой приезжает, а жена его молодая без руки, лежит в беспмятстве. Тот посмотрел, а в сумке у него вместо лапы — ее рука с кольцом обручальным!

— Так она, выходит, сатанинским оборотнем была?

— Вы, конечно, многому учились, мессир, — крестьясь, сказал пожилой ратник, — а только не надо в ночи поминать врага рода человеческого!

— Хорошо, завтра в храм заедем, помолимся, — успокоил рыцарь.

— О, вот это правильно, мессир! Как бы еще новую беду не навлек бесовский зверь!

— Да, хватит уже бед, — очень тихо проговорил его господин. Дорога в этом месте сужалась, ехать пришлось гуськом, и ветер унес в сторону его слова.

Луна появилась вновь, белая и холодная, как лицо мертвой девы...

Рано утром, выезжая из трактира, рыцарь подумал, что давно такого не бывало — дороги не размыты, передвижению войск ничто не мешает, а войны нет.

Хотя еще не так давно она собирала здесь свою кровавую жатву.

Трактирщик советовал взять проводника, тот, мол, и местность отлично знает, и в случае чего как охранник сгодится.

— Я знаю эти края, — отказался рыцарь. — И уже почти дома!
— Бог в помощь! — сказал хозяин немного озадаченно.

Трое верховых скрылись за поворотом дороги, а он все тер лоб, пытался припомнить, где видел этого молодого господина.

— Да они неподалеку отсюда жили! — подала голос трактирщица. — Ну, хоть этот не сгинул, вернулся, и то хорошо!

— Кому хорошо, а кому — одно разорение да горе от них! — в сердцах махнул рукой муж. — Мало на нашу голову язычников, что чуть не каждое лето грабят да жгут, так теперь свои навоевались, домой приедут, а там соседи! Кто половчее да пораньше подсуетился, уже чужие имения растащили, земли запахали, мужиков сманили. Вот и не миновать новой резни, а кто за всё потом отдувается? Не эти же красавцы! А справедливости простому человеку негде искать. Вот, бывало, раньше...

— Так то когда было. Ты потише говори, а то еще донесут, что мы тут власть хулим!

— Я еще ничего не сказал, — отмахнулся муж. — Так кто это такой, ты говоришь?

По пути порой встречались обгоревшие руины там, где прежде были деревни и большие укрепленные усадьбы.

Много было и заброшенных виноградников, и колодцев, заваленных камнями.

— Хорошо, когда только камнями, — говорили между собой мрачного вида мужики, расчищавшие один такой колодец, — а бывало и такое, что посмотришь, а там мертвецов — доверху!

Но по всему было видно, что жизнь возвращается в опаленный войной край.

Тут и там крестьяне усердно корчевали лес, расчищали место для новых селений, стараясь успеть до заморозков.

Несколько раз встретились конные отряды кого-то из местных сеньоров, гнавшие перед собой понурых, с серыми от пыли лицами мужчин и изможденных женщин. Некоторые несли на руках завернутых в лохмотья детей.

— Беглых по лесам для аббата вылавливаем, — пояснил старый вавассор, остановившийся рядом с рыцарем, когда понадобилось пропустить стадо овец. — Чем стать разбойниками и кончить жизнь в петле, пусть лучше отстраивают монастырские стены!

Рыцарь был полностью согласен с ним, однако стадо уже погнало вперед, движение восстановилось, и не удалось дослушать про монастырь.

Часть пути они ехали берегом Луары, который был в этих местах покрыт подступающим почти к самой воде сосняком, и тогда видел спокойно рассекавшие речную гладь лодки-плоскодонки и даже большие торговые ладьи под охраной наемников.

Лодочники и купцы деловито перекликались друг с другом, иногда раздавался смех.

Как будто еще недавно не обагрялись кровью воды великой реки, и не реяли над нею полосатые паруса драккаров!

Сейчас люди относительно спокойно перемещались по дорогам. Хотя и не каждый имел достаточно храбрости для дальнего путешествия, но в дорогу от деревни до монастыря или от монастыря до мельницы пускались многие. Волы и крестьянские низкорослые лошадки тащили повозки на ближайший торг.

Торговцы побогаче, с дорогим товаром, объединялись и составляли целые караваны, двигавшиеся в сопровождении специально нанятой охраны.

Всадники и пешие ратники были хорошо вооружены, брали за свои услуги много серебра, и все равно без дела не оставались. Хотя есть война, хоть нет, а разбойников и бродяг в лесах хватает!

Тянулись группы паломников в сторону ближайшей обители. Туда же, гнусаво выводя псалмы, брели просить подаяния нищие и калеки, многие из которых при случае легко становились ворами.

Чем ближе к большим селениям, тем чаще попадались бродячие гистрионы, однажды повстречались даже поводыри с медвежонком.

Хоть и прошло больше года с тех пор, как уехал из родных мест, и многое изменилось, но вот теперь каждый поворот дороги, каждый придорожный крест или куча валунов вспоминались сразу.

Бревенчатую церквушку со слегка покосившейся колокольной всадники увидели еще издали. Она была выстроена на пологом холме, а поблизости раскинулось большое селение.

— Остановимся, — скомандовал рыцарь.

Служба вот-вот должна была начаться, запоздавшие крестьяне и мелкие торговцы спешили зайти в храм.

У коновязи уже с трудом удалось найти место для лошадей.

В основном, здесь стояли ничем не примечательные, но крепкие и выносливые животные, на каких обычно ездят зажиточные крестьяне и деревенские священники. Однако наметанный глаз сразу выделил двух-трех кобылиц и столько же коней, бросавшихся в глаза благодаря своей стати и богатой сбруе.

Молодому рыцарю подумалось, что, видимо, скромный храм посетили такие же проезжающие из знати, каким был и он. Например,

вон та изящная светло-гнедая кобылица с гибкой шеей и легкими ногами никак не могла принадлежать жене или дочери какого-нибудь местного землепашца.

Прихожан в церкви было много. Почти все — простолюдины, почтительно расступавшиеся, чтобы знатный рыцарь и его свита могли пройти на подобающие места, поближе к алтарю.

Он продвинулся вперед и заметил в первом ряду несколько мужчин и женщин, которые были явно из благородных — об этом свидетельствовала дорогая одежда и украшения.

Сначала рыцарь добросовестно слушал священника, чей густой бас монотонно отдавался под сводами.

Склонив голову с набожным видом, он являл образец благочестивого смирения... правда, не долго.

Вскоре он стал поглядывать на стоявших впереди женщин.

Две из них закутались в подбитые мехом плащи, ибо в церкви было промозгло-холодно, и вдобавок откуда-то тянуло сквозняком. Широкие складки одежд не могли скрыть, что эти дамы полноваты и, увы, не очень молоды.

А вот третья, стоявшая между двумя матронами, была стройная и грациозна. На голову ее, как и полагается в храме, была накинута шаль, из-под которой на черную ткань плаща ниспадала длинная коса. Какого цвета ее волосы, трудно было разобрать в полумраке сводов, но все же они были скорее светлыми, нежели темными.

Дама могла быть путешественницей или принадлежать к местной знати. Но какое это имело значение, и почему он окончательно позабыл о мессе, и сам не понимал.

Едва ли он мог знать эту прихожанку, но смутно почудилось в ней что-то знакомое и вместе с тем непонятное, таящее скрытую опасность.

Это было похоже на тяжелый сон, который в точности повторяется время от времени — долго и тщетно что-то ищешь, пытаешься понять и, кажется, вот-вот найдешь... а проснувшись, не можешь толком вспомнить, что искал.

Был и у него такой сон, уже давно один и тот же...

Месса подошла к концу, и люди в молчании потянулись к чаше со святой водой, а затем к выходу.

Рыцарь намеренно задержался у чаши, дожидаясь, когда приблизится заинтересовавшая его дама. На пару мгновений крупная фигура какого-то мужчины заслонила ее, но вот здоровяк отошел, и дама в черном плаще внезапно оказалась близко. Можно сказать, лицом к лицу.

Как полагается любезному рыцарю, он смочил кончики пальцев в чаше и протянул ей... но рука опустилась до того, как дама успела коснуться ее.

Кто-то позади приглушенно-испуганно вскрикнул.

Предложить святую воду и тут же отказать в ней — равносильно открытому проявлению враждебности.

И не имеет значения, было это оскорбление намеренным или случайным, просто под влиянием неожиданности.

А увидеть ее здесь или в ином месте он ожидал менее всего.

Девушка, которую рыцарь вольно или невольно оскорбил, встречти тоже не ожидала. Однако она дрогнула лишь на миг.

В следующую секунду глаза ее полыхнули гневом. Но девушка овладела собой и шагнула вперед. Не обошла своего обидчика, а двинулась прямо на него.

Все, кто не успел еще выйти и стал свидетелем этой сцены, как будто приросли к полу и перестали дышать.

Однако кто-то уже позвал священника, и его предостерегающий возглас глухо прозвучал под сводами:

— Сын мой, вы в храме Божиим!

Рыцарь молча посторонился, ровно настолько, чтобы девушка могла пройти.

Она прошла близко и так стремительно, что взметнувшаяся коса задела его.

Обе женщины постарше, нарочито стараясь не смотреть по сторонам, поспешили следом за нею.